

Два дня ел мертвый воздух — и не умер.
Два дня жег снегом рот — и не напился.
Лежал в снегу — и встал седым и унылым.
Вдруг вышел к дому — и не удивился.

Аркадий Сарлык.

Сарлык по-монгольски — это як. Огромный, мохнатый бык. Выносливый, сильный и беззащитный перед человеком. Когда Аркадий работал погонщиком сарлыков, то как-то раз чуть не погиб. Медведь спугнул стадо и погнался на стоянку пастухов. Аркадию чудом удалось спастись. Так на свет появился Аркадий Сарлык, неутомимый путешественник, спортсмен-марафонец, бегущий задом наперед, охотник, искатель приключений, сценарист, режиссер документальных фильмов, поэт...

Среднего роста, бородач в узбекском халате, подпоясанном красным платком, пропускает меня в коридор-кухню, и из московской слякоти я попадаю в то удивительное место, где сходятся все меридианы и параллели. Шкура волка на зеленом бабушкином сундуке, ритуальные маски, скамейка из русской избы и тут же одежда охотника-оленьевода. Книжки, много книг, целый кабинет — от пола до потолка. На двери — дартс; на полке — мячик для игры в гольф.

Играет Аркадий Сарлык всю жизнь. В основном сам с собой.

— Когда я еще учился во ВГИКе, уехал в тундру охотиться на песца, а заодно искать материал для фильма. Напросился в ученики к одному опытному охотнику. На зимовку. И поначалу нам было очень хорошо вдвоем. Понимали друг друга с полуслова. Могли болтать до утра. Но потом — всё. Наступил порог, предел, после которого мы стали смотреть друг на друга, как волки... Одну ночь мне пришлось просидеть с топором в руках, не засыпая. Мой напарник держал нож. А утром мы разошлись по разные стороны путика (череда настороженных на песца капканов), чтобы не убить друг друга... Переход от дружбы к вражде очень болезнен. Поэтому я не хочу его повторять. И всегда путешествую в одиночку.

— Часто приходится рисковать?

— У настоящего, живого человека риск всегда присутствует. Хотя иногда я сам бессознательно загоняю себя в такие ситуации. Например, в Америке, которую исходил вдоль и поперек, я специально не платил в метро. Перескакивал через турникет. Попадал в лапы полицейских, а те, узнав, что я русский бич, отпускали меня, да еще и помогали. Потом я три недели жил в ночлежке, в Гарлеме, самом страшном, по местным слухам, районе — и ничего. Отсюда я сделал вывод, что Америка — не место для повышения своего болевого порога.

Я уже собрался прожить несколько дней на уютной мусорной свалке в Сизтле, как внезапно познакомился с бывшей оперной певицей из Большого театра и вынужден был сменить романтическое убежище на буржуазное.

— Америка — страна грез, а вот в России такой гуманизм, скорее, утопия...

— Россия — это сейчас сплошной густок боли. Особенно Москва, страшное место. Улицы, метро. Сплошная болевая точка. Все взрывоопасно. Мне пришлось недавно стать участником невольного эксперимента. В метро. Стою жду приятеля. Вижу, бегут двое. Прямо около меня останавливаются и начинают выяснять отношения. Я понимаю, что один у другого сломал гвоздику. Один цветок. Обиженный готов разорвать обидчика. И если бы я не вмешался, то была бы драка. А потребовалось всего два слова. Ну, пять. "Вы

извинитесь, а вы простите". С матерком, но по-доброму и уверенно. К сожалению, не всегда это получается.

Я увидел на полке газовый пистолет и спросил:

— Приходилось пользоваться?

— Да. Только не здесь. В Питере. Надо было поменять доллары. И я попал на "кидал". Их было шесть человек. Я объяснял им, что это деньги не мои, а нужные на съемку документального фильма о Сибири, но им было все равно. Они достали ножи. Я стрелял с трех метров. Попал первому в щеку. Он упал — сквозь щеку зияли зубы... Потом долго не мог прийти в себя.

Я ведь мог его убить.

Тяжелые воспоминания...

В Якутске однажды мне пришлось валяться в луже собственной крови после жестокой драки с

ним — из области фантастики. То есть терпишь, терпишь, а потом приходит безумие. Тут надо хватать себя за руки. И это для меня самое болезненное. В молодости я плохо себя держал. Сейчас лучше. Тем более, что время такое пришло, когда держать себя приходится каждый день, каждый час. Боль — это понятие растяжимое. И у каждого свой болевой порог. Например, у меня уровень терпеливости, терпения настолько высок, что мало кто выдерживает. Отсюда повышается проходимость, ну и право на риск — тоже.

— Аркадий, где люди более выносливы в смысле боли. Где более терпеливы?

— На самом деле везде одинаковы. В Сибири, например, говорят, что не тот сибиряк, кто холода не боится, а тот, кто одеваться умеет. Хотя мне, наоборот, нравится ходить в сильный мороз без шапки. Градусов в 40. Меня это тонизирует даже. Однако в Сибири местные жители часто смотрят на меня осуждающе.

— А вот есть такая точка зрения, что максимум выносливости и смелости от мужчины требуется не в экстремальных ситуациях, а в обычной жизни. В общении с женщиной, например...

— Это самый сложный вопрос. Потому что в данный момент я развожусь со своей третьей женой. И мне очень жаль. Хотя с самого начала, вступая в игру, я знал, что рано или поздно это случится. Но в таком случае я повторяю: "Я сделал, что мог, пусть кто-то сделает лучше". С надеждой, что в другой раз все будет по-другому. Но по-другому не вышло.

А если честно, то я должен признать, что с женщинами в этой жизни я уже проиграл. Хотя кто знает, может, это поражение и есть моя самая большая победа.

И вообще, я пришел к выводу, что боль нужна. Только нужно научиться ее разграничивать, различать направления боли, когда она необходима для самосовершенствования и приводит к утонченности натуры, а когда это глупый мазохизм. Разве не боль заключена в знаменитой фразе Соломона: "Во многой мудрости есть много печали"? Чем больше узнаешь, тем больше понимаешь, что ты ничего не знаешь. Видимо, культура человечества воспитывает способность к восприятию боли. Культура не избавляет человека от боли, но может научить ее перебороть. И поэтому нужно учиться болеть. В двух смыслах: болеть за других, а с другой стороны, надо "утолщать" свою кожу. Иначе невозможно выдерживать...

— А марафон? Да еще вперед спиной! Для чего? Также для расширения возможностей?

— В каком-то смысле. Хотя изначально мне было скучно бегать просто так. Еще в универс-

тите я занимался каратэ, у нас была превосходная разминка: приходилось бегать и боком, и вприпрыжку, и высоко задирая ногу, и в низком приседе. Ну и, конечно же, задом наперед. Так вот, много позже я узнал, что этот необычный вид спорта распространен на западе, и начал участвовать в соревнованиях. В последний раз я бежал во Франции и даже собирался побить рекорд Гиннеса, но помешали холмы. В гору задом не побежишь.

— А что у вас лежит в сундуке?

— Дневники. А еще я снимаю фильмы, вкладывая в них свой жизненный опыт...

Аркадий не домосед, и то, что мне удалось застать его дома, было просто удачей. На следующий день он уезжал в Питер. Оттуда — снова в Москву, чтобы собрать вещи и уехать из нее уже надолго. В Африку. Завербовался туда работать инженером. Освободились там такие вакансии. Инженеров-предшественников убили мусульманские фундаменталисты. Чтобы этого не случилось с ним, Сарлык учит специальные молитвы, от которых у боевиков, говорят, выпадают ножи.

Семён БЫКОВСКИЙ.

Москва, конец 1995 — 11 февр. с. 4.

“РАНИМЫЙ, КАК ПОЭТ, ЖИВУЧИЙ, КАК СОБАКА...”

двумя бандитами. Мне вилкой распорили затылок, а ножом отсекли кончик носа и уже собирались пороть живот.

Но, на мое счастье, один из нападающих сам порезался, и вид собственной крови его парализовал. Мне удалось его сбросить. Я добрался до больницы, где якут-хирург пришил мне нос и зашил затылок. Но кусочек был приставлен не совсем так, и поэтому у меня теперь с одной стороны чисто греческий профиль, а с другой — не пойми какой.

— Страшно было?

— Я потерял много крови, сердце работало бешено. Колотилось, как отбойный молоток, и я догадывался, что близок к смерти.

Ощущение не из приятных, но у меня это уже было не в первый раз. На Курилах, в темноте, я провалился в сточную яму и никак не мог оттуда выбраться. Пришлось ночь плавать в дерьме. И только наутро двое пьянчужек, услышав мой зов, кинули мне доску. Я выбрался и готов был содрать с себя кожу от омерзения...

Когда приходится говорить о боли, то хочется как-то уклониться от мазохизма. Но вечное терпе-